

ПА - Д Е - Д Е

Два газета. - 1996. - 5-10 дек - 4 стр.

Танцовщик для Бежара

НА ОДНОЙ из пресс-конференций Дмитрий Брянцев так пересказал содержание «Жизели»: «Она любит его, он не любит ее, второй акт — и все по ту сторону». Наш выдающийся балетмейстер не имеет никакого отношения к бенефису Алексея Ратманского, но его шутка вспоминалась вполне всерьез все первое отделение вечера, устроенного продюсерской фирмой «Пост-модерн-театр». Этот вечер начался со второго акта «Жизели».

Ратманский был странным, внутренне погасшим Альбером. Граф как будто умер вместе с девушкой, которая его любила. Ни капли сентиментальности в движениях, ни привычного страстного раскаяния, — погружение в себя, почти полное бесстрашие. Его даже не испугали виллисы — потому что ему уже нечего было терять. Лишь иногда сквозь сухую, сдержанную пластику прорывалась живая жизнь, живое несчастье — и тогда этот Альбер падал без чувств. Но переходного момента не было, артист не позволил зрителям увидеть это движение души. Сдержанно исполняется ритуал сверхклассического балета, и в следующий же момент — он разрушается на глазах, и Альбер (не Ратманский!) обессиленно прерывает движение. Как будто артисту кажется, что классическая хореография слишком возвышенна для настоящего стра-

дания и когда Альбер должен захлебнуться горем — захлебывается и танец. В па-де-де из «Сильфиды», которым Алексей и Татьяна Ратманские открыли второе отделение вечера, происходит то же самое: в момент эмоционального пика — слом, перевод балетного движения в движение прозаическое. Зрителя чуть не за шиворот вытаскивают из романтического века в двадцатый век — и неудивительно, что не всем это нравится.

Возникает ощущение, что Ратманский не понимает этого балета, точнее, не чувствует, поскольку живет в другом ритме. В каком именно — видно по тому, как он танцует Бежара. Заключительный номер концерта — «Бахти», который Ратманский исполнил с Татьяной Боровик, «взорвал» зрительный зал долгой овацией. Куда исчезли сдержанность и бесстрашие танцовщика? Они переплавились в абсолютную точность движений, в слияние с властным ритмом индийской традиционной музыки. Петербургский мальчик, окончивший Московское хореографическое училище, три года работавший в Канаде, ставший сейчас ведущим солистом Национальной оперы Украины, — так почувствовал пульсацию древней азиатской энергии, переданной через Мориса Бежара, что включил в этот ритм весь зал. Этот номер стал настоящей удачей вечера — не единственной, но самой яркой, — потому что самой неожиданной.

Более привычна (но от этого не менее интересна) была миниатюра, поставленная самим Алексеем Ратманским, — «Графика на синем фоне». Она начинается со звучания стихотворной музыки Артура Рембо, затем возникает Чайковский, темная сцена, задник пробуждающегося синего цвета. И черные силуэты Алексея и Татьяны Ратманских — повествование о любви, нежности, взаимном притяжении и отталкивании. Это именно графика, а не живопись романтического балета, тяга к тонкому продуманному штриху, маленькому — будто нарисованному пером — сюжету. В прошлые свои приезды в Москву Ратманский ставил здесь «Взбитые сливки», танцевал «Серенату шута», «Юрлиберлю» — точные и забавные миниатюры. В следующий раз — в начале февраля — он впервые покажет сочиненный им большой балет — «Прелести маньеризма» на музыку Рихарда Штрауса. Но уже название обещанной премьеры говорит о ее стиле — это будет балетная шуточка для виртуозных танцовщиков, сложная и изящная игрушка. Покажет ли Ратманский что-нибудь еще из серьезных и страстных вещей — неизвестно. Будем надеяться.

Анна КАРШКИНА

Анна ГОРДЕЕВА